VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА РЕЛИГИИ И НАУКИ

Воденко К. В.

Опубликовано в научно-теоретическом журнале
«Научные проблемы гуманитарных исследований» 2011. Вып. 1. С. 241–248

В статье анализируются причины конфликта религии и науки. Автор делает вывод, что социологическое объяснение конфликта науки и религии заключается в том, что напряжение отношений между наукой и религией возникло не в контексте их бытия как разных форм духовного производства, а в пространстве власти и влияния; институализация учения церкви есть один из основных факторов, способствующих отделению религии от науки. Эпистемологическое объяснение исходит из того, что наука и религия объясняют мир через разное понимание причин; научный разум и вера создали разные методы постижения своих предметов; научный разум базируется на представлении, что природа подчиняется законам естественной необходимости.

Ключевые слова: религия, наука, эпистемология, разум, конфликт, институализация, церковь.

Помня о своих религиозных истоках, наука не сразу резко отмежевывалась от религии, противопоставляя себя вере. И хотя И. Ньютон призвал физику обособиться от вопросов метафизического плана (знаменитое «Физика, бойся метафизики!»), философы XVII века не спешили в своих теоретических рефлексиях разорвать связи науки и религии. Т. П. Матяш и Е. Е. Несмеянов в работе «История философии науки» специально подчеркивают тот факт, что Ф. Бэкон, дав одно из первых определений науки, писал, что наука – это не ложе, «на котором взволнованный и беспокойный дух мог бы отдохнуть», не «галерея, либо портик, внутри которых ум мог бы свободно прогуливаться», не «башня, с высоты которой гордый и честолюбивый ум мог бы взирать на все вокруг», не «крепость, либо бастион, предназначенные для сражений и битв», не «доходная торговая лавка», а «богатое хранилище и сокровищница, созданные во славу творца всего сущего и в помощь человечеству». Рассматривая науку как дар милосердия Бога в помощь страдающему от болезней и голода человечеству, Бэкон призывал ученых, «заниматься наукой не для развлечения и не из соревнования, не для того, чтобы высокомерно смотреть на других, не ради выгод, не ради славы или могущества или тому подобных низших целей» [1]. он считал, что истинная цель науки сообразуется со стремлением не к могуществу, а к «взаимной любви». общеизвестно, что Г. Лейбниц, изучая явления природы, «старался угадать в них Бога и восхищался его совершенством». Р. Декарт неоднократно уверял своих читателей, что его мышление не противоречит вере.

Современный преподаватель богословия А. И. Осипов также считает, что противопоставлять науку религии и, наоборот, религию науке стали отрицающие бытие Божие философы и общественные деятели в XVII–XVIII веках. Сами же ученые не отрицали очень настойчиво бытие Божие. Более того, многие из великих ученых были не просто верующими людьми, но и церковнослужителями. Например, Н. Коперник был каноником, Г. И. Мендель и Ж. Э. Леметр аббатами, Лука Войно-Ясенецкий архиепископом и т. д. [2]. По мере того как наука набирала силу, она вступила в конфликт с религией. В XVIII-XIX веках в конфликт с религией вступили доминировавшие в это время такие науки, как физика и механика. В XX веке центр конфликта переместился на стык биологических наук и религии, в то время как представители теоретической физики и космологии стали более осмотрительно высказываться против религиозных взглядов и идей. Завуалированной формой конфликта веры и разума был явный конфликт науки и религии, иллюстрирующий, как считает И. Барбур, так называемые научный материализм и библейский буквализм [3], которые, несмотря на то, что представляют противоположности, все-таки имеют общие особенности. Приверженцы обоих указанных направлений считают, что между современной наукой и классическими религиозными представлениями существуют серьезнейшие противоречия в вопросах незыблемости основания знания, что наука и религия предлагают взаимоисключающие точные описания природы и необходимо выбирать один из этих вариантов. Научный материализм и библейский буквализм обращаются с наукой одинаково: первый пытается, исходя из научных представлений, делать широкие философские обобщения, а второй, опираясь на богословские представления, стремится делать выводы о научных вопросах.

Рассмотрим позицию одного из представителей научного материализма Л. Фейербаха, который одним из первых попытался разобраться в сути этого конфликта в работе «Пьер Бейль. К истории философии и человечества». В период своего возникновения наука, по признанию автора, была тесно связана с религией, в частности с протестантской, которая сделала «достаточно, чтобы освободить интеллект, выбросив за борт бесконечное множество обременяющих душу и сердце суеверий». Л. Фейербах не отрицал, что естествоиспытатели XVII-XVIII вв. занимались своими исследованиями «с оглядкой» на теологию, объявляя, что изучение природы имеет своей целью созерцание и познание могущества, доброты и премудрости Божьих. Первые ученые уверяли (искренне или нет), что они изучают природу «только в интересах религии» [4].

Но по мере того как служители науки все глубже познавали природу, они приходили к выводу, что все чувственное многообразие природных явлений сводится «к одним и тем же целям, законам, формам». Этот факт и обусловил убежденность ученых в том, что природа существует как некое самостоятельное образование. А потому мыслящие естествоиспытатели стали воздерживаться, а иногда и отказываться от стремления сводить познание явлений природы к познанию целей Бога «под тем предлогом, что это дерзость». Л. Фейербах отмечал, что даже Ф. Бэкон и Р. Декарт, несмотря на их реверансы в сторону религии, «уже постигли или хотя бы чувствовали бесплодность телеологии», то есть бесплодность для науки признания наличия в природе целей Божьих. теология оказалась ненужной в познании природы. Ф. Бэкон утверждал, что физика – это наука, исследующая действующую причину и материю. Что касается конечной причины (под конечной причиной в философии понимался Абсолют – Бог), то её изучают метафизика (философия) и

богословие. Л. Фейербах был категоричен в том, что современная ему наука не должна более считаться с «теологическими целями», которые ориентируют исследователя на поиск первопричины, а не собственных причин вещей. Он настаивал на том, что освобождение от религиозной зависимости есть необходимое условие обретения наукой своей истинной сущности.

Но не только наука отмежевывалась от религии. Известно, что церковь также настороженно встретила появление науки и не сразу признала её права. При этом Фейербах подчеркивал, что у теологов были все основания относиться недоброжелательно к наукам, особенно таким как физика, медицина, юриспруденция, в силу того, что они распространяли вольнодумство. В католическом Средневековье в 1209 году было запрещено читать «Метафизику» и другие сочинения Аристотеля под страхом отлучения от церкви. Обоснование этого отлучения сводилось к тому, что под действием данных сочинений можно впасть в ересь. Запреты на чтение трудов Аристотеля, подтвержденные католической церковью в 1215, 1231 и 1265 годах, были отменены только в 1366 году, и папа Николай V (1397-1455), положивший начало Ватиканской библиотеке, приказал перевести все сочинения означенного философа на латинский язык, чтобы они стали более понятны. Л. Фейербах, приводя все эти факты, утверждал, что они не дают возможности делать вывод о благожелательном отношении католицизма к науке.

Суть социологического объяснения конфликта между религией и наукой выясняет польский исследователь С. Вшолек, анализируя работу Фрэнка М. Тернера «Викторианский конфликт между наукой и богословием». Конфликт, согласно М. Тернеру, возник в силу того, что произошло смещение «авторитета и престижа с одной общественные группы на другую». Иными словами, напряжение отношений между наукой и религией появилось не в контексте их бытия как разных форм духовного производства, а в пространстве власти и влияния. Сформировавшееся поколение светских ученых объявило войну богословам в сфере влияния на образование. С. Вшолек цитирует Тернера: «Молодая гвардия пришла к согласию, что следует заниматься наукой без почтения к религиозным догматам, естественному богословию или мнению религиозных авторитетов». «Согласно социологическому взгляду, – пишет С. Вшолек, – ни наука, ни богословие не являются привилегированной деятельностью человека». Поэтому следует говорить не о враждебности между наукой и религией, а о конфликтах между светскими учеными и богословами. «Конфликты науки и богословия отражают воспитание и групповую принадлежность в такой же степени, как и все прочие важные конфликты» [5].

Институализация учения церкви, как утверждает М. Хеллер, есть один из основных факторов, способствующих отделению религии от науки. Исследователь считает, что церковные «структуры достигли такой высокой степени специализации, что не смогли адаптироваться к новым условиям». Под институализацией он понимает «не только подчинение философии и богословия церковным авторитетам, но также и то, что можно назвать „невидимым колледжем" (использовав хорошо известное выражение в несколько ином контексте), то есть способы мышления, выработанные давней традицией, баланс влияний среди разных школ и систем, застывшие методы сбора и передачи информации, неписаный кодекс поведения для людей, вовлечённых в пути познания» [6]. науки зародились в совершенно новой ситуации, больше не контролируемой церковными авторитетами, и с самого начала принялись за создание своего собственного «невидимого колледжа». Поэтому конфликты были неизбежны. М. Хеллер отмечает, что отделение и изоляция науки от религии обернулись важными последствиями, так как «поток знания разделился на два рукава. В каждом из них прогресс шёл своим чередом, независимо от другого. В среде эмпирических наук быстро пошла цепная реакция. Богословие как естественное продолжение наук стало изменять общественную и частную жизнь. В науках стали заметны некоторые тоталитарные и позитивистские тенденции, а у богословия в XVIII-XIX столетиях были свои собственные взлёты и падения. Схоластические преувеличения способствовали закреплению за богословием сомнительной репутации» [7].

Социологический способ объяснения конфликтов между наукой и богословием нашел поддержку, как ни странно, в методологических исследованиях И. Лакатоса и Л. Лаудана. В противоположность логическим позитивистам, эти ученые попытались обосновать тезис, согласно которому богословские критерии оценки, выбора тех или иных положений практически такие же, как и в науке. А это означает, что причиной конфликтов между наукой и религией являются не столько методологические различия, сколько общественно-исторические обстоятельства.

Позиция, согласно которой дух теологии (речь идет преимущественно о католической теологии), идеал «истинно католического благочестия» и дух науки несовместимы и, более того, противоречат друг другу, разделялась не только Фейербахом, но всеми философами-материалистами и многими учеными XIX века. Рассмотрим идеи современных мыслителей о причинах противопоставления науки и религии, научного разума и веры. Если базироваться на методологическом принципе, согласно которому у религии и науки есть общее основание, то можно говорить о различении и противопоставлении разума и веры, науки и религии.

Некоторые современные исследователи считают, что религию и науку объединяет то, что они являются формами «духовного производства». Как и любая форма духовного производства, религия имеет, во-первых, «свои постулаты (бытие Бога,)»; во-вторых, «свой метод познания (духовно-нравственное совершенствование по Священному Писанию)»; в-третьих, «свои критерии в различении истины от лжи (соответствие индивидуального духовного опыта Библии)»; в-четвертых, «свою цель (познание Бога и достижение вечной в нем жизни)». А это означает, что религия по своей структуре не отличается от эмпирических наук. В чем же различие науки и религии как форм духовной деятельности? Религия – это особая опытная наука. В ней истина познается не с помощью рассудочной веры и логических выводов, содержащихся в теоретическом богословии, а только личным духовным опытом, опирающимся на Евангелия и опыт церкви. опыт религиозный является мистическим, а потому не тождественен опыту естественно-научному, в котором ученый взаимодействует с вещами мира сего [8].

Наука и религия исходят из общего стремления объяснить мир и порядок в нем. но объяснения эти опираются на разное понимание причин. наука удовлетворяется указанием на вторичные причины, тогда как религия указывает на первичную причину. Кстати, ученые также не исключают указания на первичную причину при объяснении тех или иных явлений в мире. не случайно философы вводили в качестве необходимого элемента возможности мышления вообще понятие первопричины, которая не имела никаких религиозных функций, не являлась предметом культа и поклонения. Достаточно вспомнить идею Перводвигателя Аристотеля или Демиурга из Платоновского «Тимея».

И философия, и религия вводят понятие «Бог», «Абсолют», но толкуют его по-разному. «Бог» философов и «Бог» религии различны. так, понятие «Бог», как известно, стало основополагающим в философии Г. Гегеля. Философская рефлексия последнего базировалась на понимании Бога как единой Сущности, раскрывающейся в отношениях трех Лиц. но в восточном богословии основной реальностью были три Лица, три божественные ипостаси, и «тайна Божества начиналась... с утверждения веры в божество Христа – то есть *одного* из божественных лиц». Различие между этими двумя подходами прот. Иоанн Мейендорф определяет как «различия между рациональным, абстрактно-философским пониманием Бога и истинно христианским, то есть. опытным... мистическим» [9]. «Бог» философов есть своеобразная скрытая попытка дать конечное объяснение мира и человека. И хотя это объяснение отличается от религиозного, само его наличие свидетельствует о некоей скрытой связи между богословием и наукой.

Но явно наука отказывается от идеи объяснить конечные причины мироздания и сосредоточивается на поиске внутренней законосообразности, господствующей в природе. При этом вопрос о том, почему такая законосообразность существует и почему она записана на языке математики, наукой сознательно выводится в область метафизики и религии.

Научный разум и вера создали разные методы постижения своих предметов. научный разум базируется на представлении, что природа подчиняется законам естественной необходимости. ньютон, например, оставил Богу функцию механика. но при этом он был убежден в том, что «Бог-механик» не только привел в действие законы природы, но и придал им религиозное значение. Так, ученый не мог избавиться от убеждения, что понятие «сила», которое стало основным в его концепциях законов природы и которое не получило в его механике рационального объяснения, несет в себе религиозный смысл. Описывая действие сил гравитации с помощью математики, он понимал, что математические уравнения ничего не объясняют по поводу истинной природы этих сил, а потому считал, что за действием таковых стоит всемогущий Бог. Впоследствии Г. В. Лейбниц подверг критике эти взгляды ньютона. но, несмотря на осторожное заявление о том, что за действиями законов природы стоит всемогущий Бог, наука нового времени, начиная с ньютона, обратившись к математике, стала изучать законы природы, не учитывая их Божественное происхождение. Признание того, что природа записана на языке математических законов и что эти законы человек может постигать, и есть, по сути, смысл научного рационализма. Поэтому метод научного познания и называется рациональным.

Наука абсолютизирует свой метод, противопоставляя ему все другие способы постижения мира как нерациональные и даже иррациональные. Естественно, что наука противопоставляет свой метод религиозному способу постижения мира, то есть вере. С точки зрения рационального метода вера объявляется иррациональной, ибо она не связана с математикой и не ориентирована на поиск «действующих» причин. наука по мере успехов в научных открытиях стала ориентироваться на методологический изоляционизм, который был поддержан философией науки и, прежде всего, философским позитивизмом. Представители логического позитивизма, будучи сторонниками научного метода, пришли к убеждению, что предложения, выражающие религиозное содержание, бессмысленны, ибо не отвечают критериям научности. В итоге утвердился так называемый методологический изоляционизм. Известно, что этот изоляционизм пытался преодолеть Николай Кузанский, предприняв неудачные попытки применить математику в богословии. И на сегодняшний день богословие не использует математических методов исчисления и не занимается поиском локальных причин естественных явлений.

Специфика религиозного содержания потребовала особого языка для своего адекватного выражения. Богословы не изобретали специального языка. они взяли слова и термины из обыденного языка, из философии и приспособили их для нужд религии. В результате привычные слова получили непривычное смысловое выражение, породив разрыв между религиозным и философско-научным дискурсами. например, слово «сотерия» в греческом языке «обозначало счастливое возвращение домой из опасного путешествия», медицина использовала его для указания на преодоление «кризиса болезни, начало выздоровления. Другое слово «дике», выражало правильное поведение человека». Христианские же авторы священных книг «использовали слово «сотерия» для выражения спасительного деяния Христа» [10].

В науке истины общеобязательны и интерсубъективны. Их принимают верующие любых конфессий и неверующие, люди любых возрастов и классовой принадлежности. Религиозные же истины разделяются только сторонниками определенных религиозных конфессий.

Методологический изоляционизм породил противопоставление «религиозных» и «научных» сообществ. Поддавшись влиянию научного метода, ученые превращают науку в особого рода религию, единственно адекватную для рационального человека. Вера в силу научного метода блокирует религиозную веру. В результате европейская культура стала претендовать на свою исключительность, отказав другим культурам, не базирующимся на принципах научного рационализма, в праве на существование. Господство науки в немалой степени способствует экспансионистским устремлениям европейской культуры. так, согласно П. Фейерабенду, современная наука априори рассматривает иные формы знания и познания (религиозное, магическое и т. д.) как заблуждение и преподносит открытые ею факты и закономерности как религиозные догмы, а суждения ученого воспринимаются широкой публикой с таким же благоговением, как и суждения

церковных деятелей в Средние века.

Недостатки модели конфликта между наукой и религией стали предметом рассмотрения современных философов и теологов. Так, оксфордский профессор Джон Хедли Брук доказывает, что «ссылка на церковную цензуру для объяснения злоключений, выпавших на долю научных теорий, при ближайшем рассмотрении не выдерживает критики» [11].

Во-первых, не всегда борьба с научными гипотезами была инициирована церковью. Как правило, эта борьба начиналась на научной основе, считает Дж. Х. Брук [12]. так, с его точки зрения, в истоках религиозной борьбы с учением н. Коперника лежали отнюдь не религиозные предрассудки, а научные. Господствовавшая во времена Коперника наука не могла даже представить, а тем более понять идею, согласно которой Земля является планетой среди других планет. Принять эту идею означало разрушить весь космос, который наука выстроила на основе аристотелевской философии. «Разумеется, – пишет Брук, – Католическая церковь была кровно заинтересована в сохранении аристотелевской философии, но все же конфликт между наукой и религией оказывается в основном конфликтом между новаторской наукой и общепризнанной наукой предыдущих поколений» [13].

Во-вторых, модель конфликта не учитывает того, что негативное отношение к тому или иному учению (ученому) часто было результатом внутрицерковной борьбы. например, есть версия, что существовавшие во времена Г. Галилея влиятельные группы в католической церкви не в равной степени относились к нему враждебно. Ученый стал «жертвой иезуитского заговора – мести за оскорбления, которым Галилей подверг видных членов этого ордена» [14].

В-третьих, нельзя не учитывать и того факта, что зачастую священники проявляли к научным теориям безразличие. В этом они, как считает Брук, «разделяли убеждение, выраженное свт. Василием Великим, который заявлял, что кроткая и благочестивая жизнь интересуется более важными проблемами, чем вопросом о том, что представляет собой Земля, – сферу, цилиндр или диск. Временами изучение природы при расстановке приоритетов оказывалось в самом низу списка» [15].

В-четвертых, ученые «преследовались церковными властями за богословские ереси, а не научные неортодоксальности» [16]. Так, Мигель Сервет был сожжен в XVI веке в протестантской Женеве за то, что отвергал крещение во младенчестве и божественную природу Христа, а не за то, что не принимал признанную церковью теорию Галена. также и Джордано Бруно, как пишет Брук, был осужден не за свою теорию бесконечной Вселенной и множественности миров, а за свою неортодоксальную христологию, которая расценивались церковью как ересь [17].

Таким образом, объяснить конфликт науки и религии можно социологически, исходя из того, что напряжение отношений между ними возникло не в контексте их бытия как разных форм духовного производства, а в пространстве власти и влияния. Эпистемологическое объяснение исходит из того, что наука и религия толкуют мир через разное понимание причин; научный разум и вера создали различные методы постижения своих предметов; научный разум базируется на представлении, что природа подчиняется законам естественной необходимости. Слабость конфликтной модели заключается в ее тенденции изображать науку и религию как обособленные силы, в то время как их, скорее, следует считать разновидностями многообразной социальной активности, связанными с различными выражениями человеческих проблем.

Примечания:

1. Матяш Т. П., Несмеянов Е. Е. История философии науки. Ростов н/Д, 2010.
2. осипов А. И. основное богословие. М., 1994. С. 61,73.
3. Барбур И. Религия и наука: история и современность. М., 2001.
4. С. 91-127.
5. Фейербах Л. Пьер Бейль: к истории философии и человечества // История философии. М., 1967. Т. 3.
6. Вшолек С. Рациональность веры. М., 2005. С. 37.
7. Хеллер М. Творческий конфликт: о проблемах взаимодействия научного и религиозного мировоззрения. М., 2005. С. 166.
8. Там же.
9. Осипов А. И. Основное богословие. М., 1994. С. 72.
10. Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие. Вильнюс – М., 1992. С. 206-207, 381.
11. Вшолек С. Указ. соч. С. 29.
12. Брук Дж. Х. Наука и религия: историческая перспектива. М., 2004. С. 40.
13. Там же. С. 39-40.
14. Там же. С. 40.
15. Там же.
16. Там же. С. 40-41.
17. Там же. С. 41.
18. Там же. С. 42.

Vodenko K. V. SOCIAL AND EPISTEMOLOGICAL ORIGINS AND CAUSES OF THE CONFLICT BETWEEN RELIGION AND SCIENCE

The article analyses the causes of the conflict between religion and science. The sociological reason of the conflict between the science and the religion is in the fact that the tension between the science and the religion arose not in the context of their existence as different forms of spiritual production, but in the space of power and influence, the author concludes. The institutionalization of the teachings of the Church is one of the main factors contributing to the separation of the religion and the science. The epistemological explanation comes from the fact that the science and the religion explain the world with different understanding of the causes. The scientific mind and the faith created different methods for their subjects discovering. Scientific reasons are based on the idea that the nature is governed by the laws of natural necessity.

Keywords: religion, science, epistemology, mind, conflict, institutionalization, church.